

ПОБУДИТЕЛЬНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ КАК ЗОНА АСИММЕТРИИ РУССКОЙ И ЧЕШСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

Рассматриваются основные различия русской и чешской языковых картин мира в области побудительной модальности. Отмечаются различия в концептуализации основных семантико-прагматических интерпретаций побуждения (приказ, совет, просьба, предложение) русским и чешским языками. Предлагаются принципы классификации подтипов побуждения (как основных, так и маргинальных), пригодные для разных языков.

Ключевые слова: языковая картина мира, директив, императив, модальность, теория речевых актов, функциональная грамматика.

1. Термин «языковая картина мира» необычайно популярен в отечественной лингвистике. На сайте <http://elibrary.ru/> (раздел «Российский индекс научного цитирования») мы обнаружили около девяти сот (!) диссертаций, а также статей в ведущих рецензируемых изданиях, у которых данное словосочетание вынесено в заглавие, а ведь речь идет о работах, появившихся буквально в последние годы.

К сожалению, нередки случаи, когда модный термин употребляется явно не к месту. Поэтому вполне закономерно появляются призывы к научной общественности вообще отказаться от его использования, ср. [1: 22–31].

2. Не ставя себе задачей защищать то, что в нашей защите не нуждается, мы попытались рассмотреть основные сходства и различия русской и чешской языковых картин мира в области побудительной модальности, реализующиеся в области и лексики, и грамматики, и прагматики.

В качестве основного источника фактического материала для нас послужили Национальные корпуса русского и чешского языков, так как корпусный анализ крупных и сверхкрупных (миллиард и более токенов) текстовых массивов и связанное с этим беспрецедентное расширение эмпирической базы вполне может привести к необходимости пересмотреть некоторые традиционные взгляды на то или иное языковое явление, которые ранее базировались прежде всего во многом на интуиции исследователя, ср. [4: 4–11].

3. Понятие *побудительного высказывания*, базирующееся на разработанном А.В. Бондарко понятии *императивной ситуации*, не совпадает с понятием *директивного речевого*

акта (директива) в работах Дж.Л. Остина, Дж.Р. Серля и их последователей, см., например, [6: 172–177, 179–188]. С одной стороны, в число побудительных включаются также высказывания, несущие (с точки зрения классической теории речевых актов) признаки экспрессивов или комиссивов (например, *извинение* или *предложение*). С другой стороны, традиционно включаемые в число директивов вопросительные речевые акты (каузируется речевое действие агенса) рассматриваются в качестве побудительных лишь тогда, когда данное речевое действие эксплицировано в самом высказывании, ср.: *Скажи, где ты его видел*. Высказывания же типа *«Где ты его видел?»* интерпретируются в качестве побудительных в той степени, в какой они являются функциональными эквивалентами высказываний типа *«Скажи, где ты его видел»*. Иначе говоря, в случае с ними речь идет об имплицитной некатегориальной императивности в концепции А.В. Бондарко, см. [7: 80–87].

4. Осуществленная нами модификация предлагаемой Л.А. Бирюлиным и В.С. Храковским модели структуры содержания побудительного высказывания (см. [8: 8–9]) (прежде всего за счет введения в нее компонента *возможность*) позволяет совместить концепцию функционально-семантических полей А.В. Бондарко и классического понимания императивности (в рамках традиционного деления высказываний на повествовательные, вопросительные и побудительные) с исследованиями, выполненными в русле теории речевых актов. В итоге в качестве *побудительных* нами рассматриваются высказывания, в которых говорящий сообщает слушающему о *необходимости* и/или

возможности осуществления агенсом некоторого действия и пытается каузировать осуществление данного действия самим фактом своего сообщения, при этом *необходимость* и/или *возможность* осуществления агенсом данного действия может обуславливаться *волеизъявлением* одного из участников плана коммуникации и/или его *интересами*, ср. [5: 2].

5. Предлагаемая нами модель структуры функционально-семантической категории императивности, пригодная и для современного чешского, и для русского языков, базируется на предлагаемой выше формуле следующим образом.

Функционально-семантическая категория императивности рассматривается как конгломерат подкатегорий, вычленяемых на основе актантной рамки предиката, при этом наиболее значимыми являются три подкатегории, выделяемые на основе следующих категориальных ситуаций: **категориальная ситуация 1** – прескриптор побуждения равен говорящему, агенс равен слушающему/слушающим («побуждение второго лица»); **категориальная ситуация 2** – прескриптор равен говорящему, агенс равен слушающему/слушающим + говорящему («инклюзивное побуждение»); **категориальная ситуация 3** – прескриптор равен говорящему, агенс равен лицу/лицам, не являющимся ни говорящим, ни слушающим («побуждение третьего лица»).

Каждая их трех названных подкатегорий имеет ядро, образуемое конвенциализованными в языке конструкциями, формирующими иллокутивно универсальные и иллокутивно специализированные побудительные высказывания в условиях минимального дискурсного окружения, и периферию, образуемую конструкциями, формирующими побудительные высказывания через экспликацию того или иного аспекта содержательной структуры побудительного высказывания (через экспликацию каузируемого действия или его последствий, экспликацию возможности или необходимости этого действия, экспликацию волеизъявления говорящего, слушающего или иного лица/лиц). Центр подкатегории, выделяемой на основе **категориальной ситуации 1**, совпадает с центром всей функционально-семантической категории императивности, см. [2: 76–88].

6. Семантико-прагматические подтипы побуждения в обоих сопоставляемых языках представляют собой не дискретные объекты, а своего рода микрополя с ядром (когда данный подтип однозначно и непротиворечиво выражен определенной конвенциализованной в языке структурой) и более или менее размытой периферией. Полевая природа категории императивности допускает различные варианты ее структурирования, см. [3: 47–63].

7. Традиционно выделяемые семантико-прагматические интерпретации побудительных высказываний в современных чешском и русском языках представляется целесообразным сгруппировать следующим образом:

– интерпретации, маркированные по признаку «индикация высокой степени вероятности каузируемого действия», которые естественным образом распадаются на три группы в зависимости от того, что обуславливает эту высокую вероятность: условно **rozkaz /приказ** – высокая степень вероятности каузируемого действия обуславливается авторитарным положением говорящего, условно **dovolení /разрешение** – предполагается, что действие не осуществляется лишь потому, что существуют некие препятствия или ограничения, которые говорящий компетентен снять данным речевым актом; условно **instrukce /инструкция** – предполагается, что агенс сам заинтересован в выполнении данного побуждения;

– интерпретации, маркированные по признаку «индикация высокой степени мотивированности каузируемого действия»: условно **prosba /просьба**;

– интерпретации, маркированные по признаку «индикация полезности для агенса каузируемого действия/воздерживания от действия»: условно **rada /совет**;

– интерпретации, не маркированные ни по одному из названных выше признаков: условно **návrh /предложение**.

Названные интерпретации представляют собой абстракции, способные распаться на ряд более конкретных подтипов побуждения либо вычленять из себя подтип побуждения, маркированный по какому-либо специфическому признаку (например, **rozkaz** может вернуться в ряд **rozkaz, příkaz, příkázání, povel ...**). Между названными группами нет четких границ: **zaprét** соотносится и с **pru-**

казом, и с *разрешением*; *указание* как разновидность *приказа* может перерасти в *инструкцию* и т. д.

8. В случае с «авторитарными» побудительными высказываниями побуждение направлено «сверху вниз», говорящий занимает авторитарную по отношению к адресату позицию и не сомневается, что адресат выполнит (попытается выполнить) каузируемое действие. Эта уверенность основана на социально институализированном праве либо ситуативно обусловленной возможности прескриптора применить по отношению к агенту санкции.

В чешской языковой картине мира *приказ* менее авторитарен, чем в русской, что связано с тем, что для носителя чешского языка в приказе на первый план выступает признак «высокая степень вероятности каузируемого действия», тогда как для носителя русского языка – признак «высокая степень обязательности каузируемого действия» (именно поэтому *требование*, характеризующееся высокой степенью обязательности каузируемого действия для реципиента речи и низкой степенью вероятности этого действия, в русской языковой картине мира сближается с *приказом*, а в чешской – с *просьбой*). Об этом косвенно может свидетельствовать и обычность сочетания *nalévaný rozkaz* в чешских лингвистических текстах. В русской же языковой картине мира сочетание **настойчивый приказ* (калька с чешского, обычная в работах пишущих по-русски чехов) имеет, по нашему мнению, ярко выраженный оксюморонный характер – там, где у говорящего есть возможность *приказывать*, ему незачем *настаивать*. Если в русской языковой картине мира *приказ* концептуализируется как завершённое действие, в чешской он может пониматься и как растянутый во времени процесс. В качестве функциональной разновидности чешского приказа рассматривается также *napomenutí* [букв. ‘напоминание’], тогда как в русской языковой картине мира *напоминание* близко к *просьбе*.

9. Современный чешский язык структурирует «авторитарный» участок императивности (условно *приказ*) менее четко, чем современный русский. Хотя чешский язык, как и русский, располагает немалым количеством обозначающих «авторитарное» побуждение глаголов речевой каузации, эти глаголы (речь идет

прежде всего о глаголах *přikázat / přikazovat, rozkázat / rozkazovat, nařídít / nařizovat, poručit / poroučít, nakázat / nakazovat*), как показывают контексты их употреблений, синонимичны в гораздо большей степени, чем соответствующие русские глаголы.

Хотя чешский язык, как и русский, располагает глагольной видовой парой *objednat / objednávat* для обозначения *заказа*, он регулярно использует в составе интерпретирующего предиката для обозначения данного подтипа побуждения также и глаголы *poručit (si) / poroučít (si)*.

Чешское *přikázání* ‘заповедь’ мотивируется тем же глаголом *přikázat*, что и *příkaz*, вступая в силу этого с ним в очевидные ассоциативные связи, тогда как русская *заповедь* мотивируется глаголом *заповедать*, маркированным как явный церковнославянизм (обособлению русской *заповеди* способствуют соотносимые с ней по ряду параметров *наказ* и *повеление*, вычленяемые в русской языковой картине мира из общей массы «авторитарных» побудительных семантико-прагматических интерпретаций значительно более четко, чем функционально с ними соотносимые семантико-прагматические интерпретации чешские).

Характеризующиеся суженной сферой употребления чешские *povel* и *pokyn* функционально соотносимы с русской *командой* и *указанием*.

Элементом «авторитарного» участка чешского поля императивности, не имеющим формального аналога в русском языковом пространстве, является *napomenutí* (‘одергивание’ букв. ‘напоминание’), которое может рассматриваться как вариант приказа или запрета, реализующийся прежде всего в общении взрослых с детьми.

Как и в русском языке, чешский *zákaz* ‘запрет’ выступает в качестве прохибитивного коррелята не только *приказа*, но и *разрешения*. Общим признаком, объединяющим *запрет* и *разрешение*, является авторитарная позиция говорящего – его признаваемое адресатом право каким-либо образом ограничивать деятельность адресата (запрет) или, наоборот, ликвидировать уже существующие ограничения деятельности адресата (разрешение).

10. К релевантным интерактивным условиям семантико-прагматической интерпрета-

ции *dovolení* ('разрешение') можно отнести следующее: (1) адресат заинтересован в реализации/нереализации определенной деятельности; (2) для реализации/нереализации этой деятельности существуют некие препятствия или ограничения; (3) говорящий компетентен ликвидировать эти препятствия или ограничения; (4) просьба об этом была высказана либо ожидается. В последнем случае речь идет о своего рода «упреждающем» разрешении, когда говорящий как бы предвещает возможную просьбу адресата, очевидную из контекста. Речевой акт *разрешения* не содержит, в отличие от большинства речевых актов побуждения, семы *необходимости* каузируемого действия.

Соотносимые с ним речевые акты типа *souhlas* 'согласие', *nesouhlas* 'несогласие', *námítka* 'возражение' лежат на периферии поля императивности.

11. «Инструктивные» побудительные высказывания обособляются от рассмотренных выше прежде всего тем, что не предполагают (хотя и не исключают) непосредственного контакта прескриптора и агенса. В чешском языке, как и в русском, следует различать *instrukce₁/предписание*, когда в качестве прескриптора выступает некая инстанция или лицо, облеченные полномочиями, и *instrukce₂/инструкция*, когда прескриптором является эксперт, определяющий оптимальную модель поведения агенса.

Функциональной разновидностью *instrukce₂* является *recept/рецепт*.

12. Группу семантико-прагматических интерпретаций, маркированных по признаку «индикация высокой степени мотивированности каузируемого действия», образуют такие подтипы побуждения, как *prosba/просьба* (центральная семантико-прагматическая интерпретация данной подгруппы), *domluva/убеждение*, *přemlouvání/упрашивание*, *zapřísahání/мольба*, *zaklinadlo/заклинание*, *žádost*, *požadavek/требование*, *naučení/наставление*.

В качестве основного подтипа данной группы и в чешском, и в русском языковых пространствах мы склонны рассматривать *просьбу*. Именно в качестве *просьбы* охарактеризовано более половины обнаруженных нами в корпусе побудительных высказываний

данной группы, снабженных авторской иллокутивной маркировкой.

Семантико-прагматическая интерпретация *domluva* ('убеждение') характеризуется, как мы считаем, прагматической пресуппозицией 'адресат противится выполнению действия'. Многократная *domluva* перерастает в *přemlouvání* ('уговаривание'), при этом пресуппозиция 'адресат противится выполнению действия' закономерно усиливается.

Семантико-прагматические интерпретации *domluva* и *přemlouvání* способны приобретать коннотацию 'действие совершается в интересах исполнителя', что, безусловно, сближает их с группой интерпретаций, условно обозначаемых как *rada* ('совет').

В качестве *zapřísahání* ('мольба') мы склонны рассматривать настойчивую просьбу с экспликацией униженной позиции говорящего, при этом может актуализироваться не объективность, а субъективность интересов говорящего, мотивирующих необходимость осуществления каузируемого действия.

Для русского языка мы различаем *закливание₁* (магическую процедуру) и *закливание₂* (побудительный речевой акт, близкий к *мольбе*). В чешской языковой картине мира *заклинанию₁* соответствует *zaklinadlo*, а *заклинанию₂* – *zapřísahání*.

В случае с интерпретацией *zaklinadlo* высокая степень мотивированности каузируемого действия обусловлена апелляцией говорящего к неким силам, авторитет которых абсолютен для исполнителя и даже для мироздания в целом. При этом предполагается, что прескриптор обладает возможностью влиять на эти силы. Тем самым *zaklinadlo* сближается с «авторитарными» побудительными речевыми актами. Если же говорящий реально не обладает этой возможностью (эта возможность не признается либо игнорируется адресатом побуждения), то данный речевой акт оказывается неуспешным.

Вне мира волшебства *zaklinadlo* близко к *zapřísahání* и характерно для патетически возвышенного способа выражения.

Žádost ('требование') мы рассматриваем как категорическое побуждение (этим оно отличается от *просьбы*) при отсутствии авторитарной позиции говорящего, а поэтому говорящий и не может быть уверен в том,

будет ли каузируемое действие выполнено, или нет.

В чешской языковой картине мира различия между *требованием* и *просьбой* не столь очевидны, как в русской. Нередки контексты, когда один и тот же побудительный речевой акт характеризуется и как *prosba*, и как *žádost*.

Несколько особняком в данной группе побудительных речевых актов стоит *naučení* ('наставление, поучение'), которое может быть охарактеризовано как побудительный речевой акт, посредством которого каузируется действие (последовательность действий), выполнение которого представляется говорящему необходимым по соображениям морально-этического порядка. Говорящий считает себя вправе направлять действия исполнителя либо в силу своего более высокого социально-нравственного статуса, либо если он апеллирует к некоему достаточно высокому моральному авторитету – к пословицам, поговоркам, крылатым выражениям и т. п.

13. Группу семантико-прагматических интерпретаций, мотивированных по признаку «индикация полезности для агенса каузируемого действия / воздерживания от действия» образуют такие подтипы побуждения, как *rada / совет, doporučení / рекомендация, výstraha, varování / предостережение, vyhrůžka / угроза, vydírání / шантаж, upozornění / предупреждение*. В побудительных высказываниях рассматриваемого типа на передний план выступает понятие *бенефактивности* (пользы, полезности) каузируемого действия (воздерживания от некоего действия). Основными семантико-прагматическими интерпретациями данной группы являются *rada / совет* и *varování / предостережение*, соотносимость которых в чешском языке, как и в русском, очевидна: *Varuji tě, abys tam chodil!* = *Nerádím ti, abys tam chodil!* = *Radím ti, abys tam nechodil!*

В то время как в русском речепотреблении ситуация *рекомендации* отличается от ситуации *совета* прагматической пресуппозицией 'говорящий обладает профессиональной компетенцией', в чешском различие между подтипами *rada* и *doporučení*, как показывают контексты, минимальны и сводятся к валентностным особенностям глаголов *radit* и *doporučovat*.

Русскому *предостережению* в чешском языковом пространстве соответствуют два подтипа побуждения: *varování* и *výstraha*. Обязательным элементом побудительного речевого акта, обозначаемого как *varování*, является экспликация каузируемого действия, а обязательным элементом другого – экспликация возможных негативных последствий альтернативного поведения. Если в качестве этих последствий подразумеваются какие-либо санкции говорящего по отношению к адресату, речь будет идти о речевом акте *vyhrůžka* 'угроза'. Серьезность санкций может превратить данный речевой акт в *vydírání* 'шантаж'. Отличие речевого акта *upozornění* 'предупреждение' от предостережения в том, что объектом бенефактивности в первом случае может быть не только адресат, но и сам говорящий.

Совет представляет по своей сути вторжение в личностную сферу собеседника: советуемый навязывает свое мнение, принимая на себя ответственность за последствия своего совета (здесь *совет* способен смыкаться с *убеждением* и даже с *приказом*). Однако, как свидетельствуют контексты, это характерно для чешского речепотребления в значительно меньшей степени, чем для русского (не случайно в пражской академической грамматике чешского языка *совет* рассматривается в одном параграфе с *предложением*). Тем самым чешский *совет* в целом оказывается менее настоятельным, чем русский.

14. Группу семантико-прагматических побудительных интерпретаций, не маркированных ни по одному из названных выше признаков, образуют такие побудительные высказывания, как *vůzva / призыв, pozvání / приглашение, nabídka, návrh, vybídnutí / предложение*.

Чешский язык структурирует данных участников поля императивности более подробно, чем русский. Русскому *предложению* соответствуют три чешских несинонимичных подтипа побуждения: *nabídka, návrh, vybídnutí*. В случае с подтипом *nabídka* говорящий не только каузирует действие адресата, но и берет на себя определенные обязательства – речь идет, таким образом, о гибридном речевом акте, совмещающем в себе признаки директива и комиссива. Речевой акт *vybídnutí* представляет собой каузацию действия в чистом виде, «про-

собой каузацию действия в чистом виде, «простое побуждение», тогда как речевой акт *návrh* не исключает (хотя далеко не всегда содержит) коннотации «каузируемое действие может быть полезно для адресата» (тем самым он может сближаться с *советом*).

К речевому акту *nabídka* близок речевой акт *pozvání* ‘приглашение’, характеризующийся пресуппозицией «говорящий правомочен обеспечить выполнение адресатом каузируемого действия».

К релевантным условиям речевого акта *vůzva* ‘побуждение, призыв’ иногда относят определенную степень его социальной или этической мотивированности – каузируемое действие осуществляется не непосредственно в интересах говорящего или адресата, а в интересах социума в целом. Гораздо чаще, однако, побуждение квалифицируется в тексте как *vůzva* тогда, когда автор не хочет конкре-

тизировать, какой именно функциональный подтип побуждения имеется в виду, или же когда это не так уж и важно, ведь иногда даже сам говорящий может не иметь ясного представления о своих собственных намерениях.

15. Иллокутивная неопределенность и неоднозначность побудительного высказывания, как показывают контексты, для современного чешского речеупотребления характерна в заметно большей степени, чем для русского. С этим связана существенно меньшая, чем в соотносительных в стилевом и стилистическом отношении русских текстах, употребительность иллокутивно специализированных побудительных высказываний, особенности употребления иллокутивных глаголов в интерпретирующем предикате, а также особенности просодического оформления чешских и русских конструкций с формами императива.

28.03.2012

Список литературы:

1. Васильева, В.Ф. «Языковая картина мира»: миф и реальность (полемиические заметки) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2009. – №3. – С. 22–31.
2. Изотов, А.И. Ономазиологически ориентированная модель структуры функционально-семантической категории императивности в современном чешском языке // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2005. – №5. – С. 76–88.
3. Изотов, А.И. Опыт корпусного анализа функционально-семантической категории императивности в современном чешском языке // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2007. – №3. – С. 47–63.
4. Изотов, А.И. Чешский национальный корпус и аналитический императив: опыт корпусного анализа малоупотребительных и маргинальных языковых единиц // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2007. – №2. – С. 4–11.
5. Изотов, А.И. Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке как прагмалингвистический феномен: автореф. ... доктора филол. наук. – М., 2007.
6. Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 17. – 423 с.
7. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – 264 с.
8. Типология императивных конструкций / Под ред. В.С. Храковского. – СПб.: Наука, 1992. – 301 с.

Сведения об авторе:

Изотов Андрей Иванович, профессор кафедры славянской филологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор филологических наук
119992, г. Москва, Ленинские горы, МГУ имени М.В. Ломоносова, I корпус гуманитарных факультетов,
ауд. 1056, тел. 8 (495) 9392455, e-mail: a.i.izotov@mail.ru

UDC 811.161.1'36:811.162.1'36

Izotov A.I.

Lomonosov Moscow State University, e-mail: a.i.izotov@mail.ru

DIRECTIVE MODALITY AS A ZONE OF RUSSIAN/CZECH WORLDVIEW ASYMMETRY

The main differences between Russian and Czech worldview in the field of directive modality are considered. Dissimilation between correlative Russian and Czech directives is analysed. New principles of directives classification are offered.

Key words: linguistic relativity, directives, imperative, modality, speech acts, functional theories of grammar.